

ЗИГМУНД  
ФРЕЙД

*Остроумие  
и его отношение  
к бессознательному*



АЗБУКА-КЛАССИКА  
NON-FICTION

Азбука-Классика. Non-Fiction

Зигмунд Фрейд

**Остроумие и его отношение  
к бессознательному**

«Азбука-Аттикус»

1905

УДК 159.9  
ББК 88.5

### **Фрейд З.**

Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд —  
«Азбука-Аттикус», 1905 — (Азбука-Классика. Non-Fiction)

ISBN 978-5-389-21714-0

В книгу включена классическая работа австрийского врача и философа, основоположника психоанализа Зигмунда Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905), которая развивает и дополняет идеи и наблюдения, высказанные им ранее в трактатах «Толкование сновидений» и «Психопатология обыденной жизни», а также интереснейшая статья «Юмор». В трактовке Фрейда остроумие и художественное творчество предстают как свободная игра психических сил, в правилах которой обнаруживается сходство с деятельностью сновидения. Автор анализирует психологические механизмы возникновения острот и предлагает их оригинальную классификацию, привлекая для рассмотрения обширный круг литературных текстов.

УДК 159.9

ББК 88.5

ISBN 978-5-389-21714-0

© Фрейд З., 1905  
© Азбука-Аттикус, 1905

## Содержание

Остроумие и его отношение к бессознательному	6
А. Аналитическая часть	6
I. Введение	6
II. Техника остроумия	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Зигмунд Фрейд**  
**Остроумие и его отношение**  
**к бессознательному**



© Р. Ф. Додельцев, перевод, 1995

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015 Издательство АЗБУКА®

# Остроумие и его отношение к бессознательному

## А. Аналитическая часть

### І. Введение

У кого хоть раз был повод справиться в сочинениях эстетиков и психологов, как можно объяснить суть и взаимосвязи остроумия, тот, скорее всего, будет вынужден признать, что философские искания затронули остроумие далеко не в той мере, какой оно заслуживает благодаря своей роли в нашей духовной жизни. Можно назвать несколько мыслителей, основательно занимавшихся его проблемами. Правда, среди писавших об остроумии встречаются блестящие имена: писателя Жан-Поля (Ф. Рихтера), философов Т. Вишера, Куно Фишера и Т. Липпса; но и у них тема остроумия стоит на заднем плане, тогда как основной интерес исследования обращен к более общей и привлекательной проблеме комического.

Из литературы прежде всего складывается впечатление, будто совершенно бесплодно заниматься остроумием вне его связи с комическим.

Согласно Т. Липпсу (*Komik und Humor / Комизм и юмор/*. 1898)<sup>1</sup>, остроумие – «это безусловно субъективный комизм», то есть комизм, «который создаем мы, который присущ нашим действиям как таковым и по отношению к которому мы ведем себя всегда как стоящий над ним субъект и никогда как объект, даже объект, обладающий свободой воли» (S. 80). В пояснение этого – замечание: остроумием называется вообще «любое сознательное и искусное создание комизма, будь то комизм созерцания или комизм ситуации» (S. 78).

К. Фишер разъясняет отношение остроумия к комическому с помощью анализа карикатуры, расположенного в его изложении между остроумием и комизмом (*Über der Witz / Об остроумии/*. 1889). Предмет комизма – безобразное в какой-либо одной из форм своего проявления: «Где оно скрыто, там его нужно открыть свету комического созерцания, где оно мало или едва заметно, его нужно извлечь и показать так, чтобы оно проявило себя ясно и открыто... Так возникает карикатура» (S. 45). «Наш духовный мир в целом, интеллектуальная империя наших мыслей и представлений, не разворачивается в картины внешнего созерцания, не позволяет непосредственно представить себя образно и наглядно, а содержит, кроме того, и свои трудности, недуги, искажения, массу смешного, комические контрасты. Чтобы выделить их и сделать доступными эстетическому созерцанию, потребуется сила, способная не только непосредственно изобразить объекты, но и осмыслить эти представления, разъяснить их: сила, просветляющая мысли. Такой единственной силой является *суждение*. Суждение, создающее комический контраст, – это *острота*, она втайне соучаствовала уже в создании карикатуры, но лишь в суждении обретает свою специфическую форму и свободное пространство для расцвета» (S. 49).

Как видно, Липпс относит особенность, выделяющую остроумие в границах комического, к деятельности, к активному поведению субъекта, тогда как К. Фишер характеризует остроумие через отношение к своему предмету, каковым следует признать безобразное, скрытое в царстве мыслей. Нельзя проверить обоснованность этих определений остроумия, более того, их едва можно понять, если не включать в контекст, из которого здесь они оказываются вырванными, и таким образом мы как бы встаем перед необходимостью самим поработать над

---

<sup>1</sup> «Beiträge zur Ästhetik», изданная Теодором Липпсом и Рихардом Мария Вернером. IV. – Книга, которой я обязан решимостью и возможностью предпринять данную попытку.

описаниями комического у авторов, чтобы узнать от них хоть что-нибудь об остроумии. Впрочем, в других местах видно, что те же авторы сумели указать существенные и общезначимые особенности остроумия, отвлекаясь при этом от его отношения к комическому.

Характеристика остроумия у К. Фишера, вроде бы более всего удовлетворяющая его самого, гласит: остроумие – это *игровое* суждение (S. 51). Для пояснения этого выражения сошлемся на аналогию: «...равно как эстетическая свобода состоит в игровом созерцании вещей» (S. 50). В другом месте (S. 20) эстетическое отношение к объекту характеризуется условием, что мы не требуем от этого объекта ничего, в особенности удовлетворения наших насущных потребностей, а довольствуемся наслаждением от его созерцания. В противоположность труду эстетическое отношение является *игровым*. «Возможно, именно из эстетической свободы берет начало освобожденный от обычных оков и правил вид суждений, который за его происхождение я назову „игровое суждение“; и в этом понятии содержится главное условие, хотя и не вся формула, решающая нашу задачу. „Свобода дарует остроумие, а остроумие – свободу“, – говорит Жан-Поль. „Остроумие – это чистая игра идеями“» (S. 24).

Издавна остроумие предпочитали определять как умение находить сходство между несходным, то есть обнаруживать скрытое сходство. Жан-Поль эту мысль выразил так, и даже остроумно: «Остроумие – переодетый пастор, сочетающий любую пару брачными узам». Т. Вишер присовокупляет: «...с особой охотой он венчает пары, соединения которых не хотят допустить родственники». Но, возражает Вишер же, существуют остроумия, в которых нет речи ни о сравнении, ни об обнаружении сходства. Сообразно этому, слегка отступив от Жан-Поля, он определяет остроумие как умение с поразительной быстротой объединять в одно целое несколько представлений, собственно чуждых друг другу по своему внутреннему содержанию и наличным связям. К. Фишер в свою очередь подчеркивает, что во множестве остроумных суждений обнаруживается не сходство, а различие, а Липпс обращает внимание на то, что эти определения относятся к остроумиям, которыми остряк *располагает*, а не которые он *создает*.

Другие, в некотором смысле связанные друг с другом точки зрения, привлекаемые для определения или описания остроумия: «контраст представлений», «смысл в бессмыслице», «удивление и просветление».

Особо контраст представлений подчеркивает, к примеру, определение Крапелина. Остроумие – это «произвольное соединение или объединение двух каким-либо образом контрастирующих представлений, по большей части при содействии грамматической ассоциации». Такому критику, как Липпс, нетрудно обнаружить полную несостоятельность этой формулы, но и он сам не исключает фактор контраста, а только отводит ему иную роль. «Контраст существует, но это не выраженный тем или другим способом контраст представлений, связанных со словами, а контраст или противоречие значимости и незначимости слов» (S. 87). Примеры поясняют, как следует понимать последнее. «Контраст возникает лишь благодаря тому, что... мы приписываем своим словам значение, которое позднее мы же не в состоянии снова им приписать» (S. 90).

При дальнейшем развитии последнего определения приобретает значение противоположность «смысла и бессмыслицы». «То, что в одном случае мы считаем осмысленным, позднее предстает перед нами совершенно бессмысленным. В данном случае это и составляет комический процесс» (S. 85 и далее). «Высказывание кажется остроумным тогда, когда мы с психологической необходимостью приписываем ему некоторое значение и, приписав ему это, тут же, с другой стороны, отрицаем приписанное. При этом термин „значение“ можно понимать по-разному. Мы придаем высказыванию *смысл* и знаем, что логически он не может ему принадлежать. Мы обнаруживаем в нем *истину*, которую позднее сообразно законам опыта или общим навыкам мышления мы же, с другой стороны, не в состоянии в нем обнаружить. Мы приписываем ему выходящие за пределы его реального содержания логические или практические следствия, чтобы именно эти же следствия отрицать сразу же после рассмотрения

качества высказывания. Во всяком случае, психический процесс, который вызывает в нас остроумное высказывание и на котором основывается чувство комизма, состоит в непосредственном переходе от такого придания высказыванию смысла, истинности, следствий к осознанию или к внешнему впечатлению его сравнительной незначительности».

Как ни убедительно звучит это объяснение, хотелось бы все-таки задать здесь вопрос: способствует ли как-то противоположность осмысленного и бессмысленного, на которой основывается чувство комизма, определению понятия «остроумие», коль скоро оно отличается от комического?

Фактор «удивления и просветления» в свою очередь глубоко вводит в проблему отношения остроумия к комизму. О комическом вообще Кант говорит: его замечательное качество состоит в том, что оно способно обманывать нас только мгновенье. Хейманс (*Zeitschr. f. Psychologie* XI. 1896) объясняет, как осуществляется воздействие остроумия посредством смены удивления просветлением. Свою позицию он иллюстрирует великолепной остротой Гейне, вложившего в уста одного из своих героев, бедного лотерейного маклера Гирш-Гиацинта, похвальбу, что крупный миллионер барон Ротшильд обращался с ним совсем как с равным, совсем *фамилионерно*. Здесь слово, носитель остроты, кажется на первый взгляд всего лишь неправильным словообразованием, чем-то непонятным, невразумительным, загадочным. Поэтому оно удивляет. Комизм следует из разгадки изумления, из понимания смысла слова. Липпис присовокупляет, что за этой первой стадией просветления, когда удивившее нас слово начинает что-то означать, следует вторая, когда понимают, чем это нелепое слово удивило, а затем оказалось его подлинным смыслом. Лишь это вторичное просветление, понимание того, что бессмысленное, согласно обычному словоупотреблению, слово – причина всего, лишь это растекание в ничто создает комизм (S. 95).

Независимо от того, первое или второе из этих двух толкований кажется нам более понятным, мы благодаря анализу удивления и просветления приблизились к определенному представлению, ибо если комический эффект гейневского *фамилионерно* основывается на разгадке якобы бессмысленного слова, то «остроумие», вероятно, должно состоять в образовании этого слова и в особенностях именно так образованного слова.

Вне всякой связи с только что обсуждавшимися точками зрения всеми авторами признается существенным другое своеобразие остроумия. «Краткость – плоть и душа остроумия, более того – это оно само», – говорит Жан-Поль (*Vorschule der Ästhetik / Приготовительная школа эстетики/*. I. § 45) и тем самым только видоизменяет фразу старого болтуна Полония в шекспировском «Гамлете» (акт второй, сцена вторая):

Итак, раз краткость есть душа ума, А многословье – тело и прикрасы, То буду сжат.

В таком случае примечательно описание краткости остроумия у Липписа (S. 90). «Острота высказывает то, что высказывает, не всегда немногими, но всегда слишком немногими словами, т. е. словами, согласно строгой логике или обычному образу мысли и речи, для этого недостаточными. Наконец, она способна сказать без обиняков что-то, умалчивая об этом».

«То, что остроумие призвано извлекать нечто *сокровенное* или *скрытое*» (К. Фишер, S. 51), уже известно из сопоставления остроумия с карикатурой. Я еще раз выделяю это определение, потому что и оно имеет дело скорее с сутью остроумия, чем с его принадлежностью к комизму.

\* \* \*

Я хорошо понимаю, что предыдущие скудные выдержки из работ авторов, писавших об остроумии, не могут дать правильную оценку этим работам. В связи с трудностями, препятствующими свободному от искажений воспроизведению столь сложных и тонко нюансированных ходов мыслей, я не в состоянии избавить любознательных читателей от хлопот по извлечению желанных знаний из первоисточников. Но не уверен, будут ли они полностью удовлетворены знакомством с ними. Указанные авторами и упомянутые ранее критерии и каче-

ства остроумия – активность, связь с содержанием нашего мышления, особенность игрового суждения, попарное соединение несходного, контраст представлений, «смысл в бессмыслице», последовательная смена удивления просветлением, извлечение скрытого и особый вид краткости остроты – хотя на первый взгляд и кажутся нам весьма верными и столь легко подтверждаемыми на примерах, что нам не угрожает опасность недооценить значение таких представлений, но все это – *disiecta membra*<sup>2</sup>, которые мы хотели бы объединить в органическое целое. В конце концов, они приближают к познанию остроумия ничуть не больше, чем, скажем, ряд анекдотов – к характеристике личности, биографию которой мы в силах восстановить. У нас полностью отсутствует понимание предполагаемой связи отдельных определений, например, как же соотносится краткость остроумия с его особенностью игрового суждения. И далее, нет объяснения: должно ли остроумие удовлетворять всем этим условиям или только некоторым из них, чтобы быть истинным остроумием, какие из них заменимы, а какие необходимы. Мы хотели бы также сгруппировать и подразделить остроты на основе их признанных существенными качеств. Классификация, которую мы находим у авторов, опирается, с одной стороны, на технические средства, с другой – на использование остроты в разговоре (острота, возникающая в результате созвучия; игра слов; осмеивающая, характеризующая острота; остроумный отпор).

Итак, нам вроде бы нетрудно найти цель для дальнейших усилий по исследованию остроумия. Чтобы рассчитывать на успех, нам необходимо либо внести в эту работу новые точки зрения, либо попытаться проникнуть дальше путем усиления нашего внимания и углубления нашего интереса. Можем заявить, что по крайней мере в последнем нет недостатка. Все же поразительно, каким малым количеством признанных остроумными примеров довольствуются авторы в своих исследованиях, и к тому же они заимствуют одни и те же остроты у своих предшественников. Мы не вправе избежать необходимости анализировать примеры, уже послужившие классикам исследования остроумия, но намерены, кроме того, привлечь новый материал для получения более широкого основания для наших выводов. В таком случае легко понять, что объектами исследования станут примеры остроумия, которые в жизни произвели на нас самих огромное впечатление и вызвали безудержный смех.

Заслуживает ли тема остроумия подобных усилий? На мой взгляд, в этом нельзя усомниться. Помимо личных мотивов, подлежащих объяснению в ходе этой работы и побуждающих меня добиваться ясности в проблеме остроумия, могу сослаться на факт тесной взаимосвязи всех душевных явлений, в результате чего психологическому знанию даже периферийной области обеспечено непредсказуемое значение для других областей. Нужно напомнить и о том, какой своеобразной, прямо-таки захватывающей привлекательностью обладает остроумие в нашем обществе. Новая острота действует подобно событию, вызвавшему широчайший интерес; она передается от одного человека к другому, подобно самой последней победной весте. Даже знаменитости, которые считают достойными внимания сообщения о том, как они формировались, какие города и страны видели, с какими выдающимися людьми общались, украшают свои жизнеописания услышанными ими где-то замечательными остротами<sup>3</sup>.

## II. Техника остроумия

Последуем прихоти случая и обратимся к первому примеру остроумия, встретившемуся нам в предыдущей главе. В части «Путевых картин», озаглавленной «Луккские воды», Г. Гейне рисует великолепный образ лотерейного маклера и мозольного оператора Гирш-Гиацинта из Гамбурга, хвастающего перед поэтом своими отношениями с богатым бароном Ротшильдом

---

<sup>2</sup> Разбросанные части (*лат.*). – Прим. перев.

<sup>3</sup> См.: *Falke J. v. Lebenserinnerungen*. 1897.

и сказавшего напоследок: «И вот – пусть меня накажет Бог, господин доктор, если я не сидел подле Соломона Ротшильда и он обращался со мной совсем как с равным, совсем *фамильно*».

На этом признанном превосходным и очень смешном примере Хейманс и Липпс объясняли комическое воздействие остроты как следствие «удивления и просветления» (см. выше). Но отставим этот вопрос в сторону и зададим себе другой: что же именно превращает слова Гирш-Гиацинта в остроту? Искомое может быть только двоякого рода: или выраженная в предложении мысль сама по себе несет черты остроумного, или остроумие присуще форме выражения мысли в фразе. С какой стороны проявляется особенность остроумия, именно на этом мы намерены сосредоточиться и попытаться разобраться.

Ведь в общем-то мысль можно выразить в различных языковых формах – то есть в словах, способных передать ее одинаково точно. В речи Гирш-Гиацинта перед нами всего лишь определенная форма выражения мысли, и, как мы подозреваем, весьма своеобразная, а не самая доступная пониманию. Попытаемся возможно точнее выразить ту же мысль другими словами. Это уже проделал Липпс и до некоторой степени разъяснил формулировку поэта. Он говорит (S. 87): «Мы понимаем, что хочет сказать Гейне: обращение было фамильярным, то есть того известного сорта, который бывает неприятен из-за привкуса огромного богатства». Мы ничего не изменим в ее смысле, предложив другую формулировку, по видимости более привычную для речи Гирш-Гиацинта: «Ротшильд обращался со мной совсем как с равным, совсем *фамильярно*, то есть насколько это доступно *миллионеру*». «Снисходительность богатого человека всегда чем-то неприятна для того, кто испытывает ее на себе», – могли бы прибавить мы<sup>4</sup>.

Остановившись теперь на одной из равнозначных формулировок мысли, мы в любом случае увидим, что заданный вопрос уже решен. В данном примере особенность остроумия присуща не содержанию мысли. Гейне вкладывает в уста своего Гирш-Гиацинта верное ироничное замечание, замечание, отмеченное нескрываемой горечью, так легко объяснимой у бедного человека перед лицом столь большого богатства, но мы не отважились бы назвать его остроумным. Если же кто-то при пересказе, будучи не в силах освободиться от воспоминания о формулировке поэта, полагает, что мысль все же остроумна сама по себе, то мы, разумеется, можем сослаться на надежный критерий особенности остроумия, утерянной при пересказе. Речь Гирш-Гиацинта вызывает у нас громкий смех, ее же адекватный пересказ по Липпсу или в нашем исполнении может нам нравиться, побуждать к размышлению, но он нас не рассмешит.

Но коль уж в нашем примере особенность остроумия не присуща самой мысли, то ее следует искать в форме, в точном ее выражении. Нам надобно только изучить особое качество этого способа выражения, чтобы понять, что следует назвать словесной или выразительной техникой этой остроты, а что нужно тесно связать с ее сутью, так как особенность и действие остроумия исчезают вместе с заменой данной техники другой. Впрочем, мы полностью солидарны с исследователями, когда придаем такое значение словесной форме остроты. Так, например, К. Фишер говорит (S. 72): «В первую очередь чистая форма превращает суждение в остроту, и здесь в голову приходят слова Жан-Поля, объясняющие и обосновывающие как раз подобную природу остроумия в остроумном же изречении: „Побеждает правильно выбранная позиция, будь то позиция воинов, будь то позиция суждений“».

В чем же заключается «техника» этой остроты? Что произошло с мыслью в нашем переложении, до которого в ней существовало остроумие, вызывавшее наш искренний смех? Переломны двоякого рода, как показывает сравнение нашего переложения с текстом поэта. Во-первых, имело место значительное укорочение. Для полного выражения содержащейся в остроте мысли мы были вынуждены к словам «*Р. обращался со мной совсем как с равным, совсем фами-*

<sup>4</sup> Эта же острота еще привлечет нас в другом месте, и там мы найдем повод внести исправления в предложенное Липпсом переложение остроты, близкое нашему варианту, но и эти исправления не помешают последующему анализу.

льярно» добавить придаточное предложение, которое в предельно сжатой форме гласило: то есть насколько это доступно миллионеру, а затем ощутили потребность еще в одном поясняющем добавлении<sup>5</sup>. У поэта это выражено гораздо короче: «Р. обращался со мной совсем как с равным, совсем фамилионерно». Все ограничение, которое второе предложение прибавляет к первому, констатирующему фамильярное обращение, опущено в остроте.

Но опущено все же не без некоторой замены, по которой его можно реконструировать. Имело место еще и второе изменение. Слово «*фамильярно*» в неостроумном выражении мысли было превращено в тексте остроты в «*фамилионерно*», и, несомненно, как раз от этого словообразования зависит отличительный признак остроты и ее способность вызывать смех. Начало новообразованного слова совпадает со словом «*фамильярно*» первого, а его последние слоги со словом «*миллионер*» второго высказывания; оно как бы заменяет составную часть слова «*миллионер*», а вследствие этого и все второе предложение, таким образом позволяет нам угадать второе пропущенное в тексте остроты предложение. Новое слово можно описать как составное образование из двух компонентов: «*фамильярно*» и «*миллионер*». Попытаемся графически изобразить его возникновение из этих двух слов<sup>6</sup>.

*Фамильярно*

*миллионер*

---

*Фамилионерно*

А процесс, превративший идею в остроту, можно описать следующим образом, хотя на первый взгляд это и покажется совершенно фантастическим, но тем не менее в точности передает наличный результат:

«Р. обращался со мной совсем фамильярно, то есть насколько это доступно миллионеру».

Теперь представим себе, что на эти предложения действует уплотняющая сила, и предположим, что придаточное предложение по какой-то причине более податливо. Тогда оно обречено на исчезновение, а его существенная часть, слово «*миллионер*», сумевшая противостоять давлению, как бы впрессовывается в первое предложение, сливается с весьма похожим на него элементом этого предложения «*фамильярно*», и именно эта случайно подвернувшаяся возможность спасти главное во втором предложении будет способствовать гибели других, менее важных составных частей. Так в данном случае и возникает острота:

«Р. обращался со мной совсем фамилионерно».

Отвлекаясь от уплотняющей силы, конечно же нам неизвестной, мы вправе описать путь образования остроты, то есть технику остроумия данного случая, как *сгущение с образованием замены*; последнее как раз и заключается в изготовлении *составного слова*. Это составное слово «*фамилионерно*», само по себе непонятное, в данном контексте сразу же признаваемое понятным и остроумным, – носитель заставляющего смеяться воздействия остроты, чей механизм, правда, несколько не стал нам яснее благодаря открытию техники остроты. Каким же образом процесс словесного сгущения с образованием замены способен доставить нам удовольствие с помощью составного слова и вызвать наш смех? Мы замечаем, что это – другая проблема, обсуждение которой правомерно отложить до того, как к ней будет найден подход. Пока же остановимся на технике остроумия.

Наш расчет, что техника остроумия, видимо, не безразлична для понимания его сути, заставляет нас прежде всего выяснить, есть ли другие примеры острот, построенных подобно гейневскому «*фамилионерно*». Таковых не слишком много, но все же достаточно, чтобы соста-

---

<sup>5</sup> То же самое относится и к переложению Липпса.

<sup>6</sup> Общие слоги двух слов напечатаны здесь курсивом по контрасту с их различными составными частями. Второе «л», при произношении едва заметное, разумеется, правомерно опустить. Напрашивается предположение, что созвучие обоих слов в нескольких слогах дало повод технике остроумия к созданию составного слова.

вить маленькую группу, характеризующуюся образованием составных слов. Сам Гейне, словно копируя себя, извлек из слова «*миллиардер*» остроуту, сказав о ком-то: «*миллиардур*» («Идеи», гл. XIV), что представляет собой сложение «миллиардер» и «дурак» и в точности, как первый пример, выражает подавленную заднюю мысль.

Другие известные мне примеры: в своем городе берлинцы называют известный *фонтан*, сооружение которого доставило много хлопот бургомистру Форкенбеку, *Форкенбак*, и этому названию нельзя отказать в остроумии, хотя слово фонтан должно было для совпадения с фамилией превратиться в слово «бак». Злое европейское остроумие некогда переименовало вельможу *Леопольда* в *Клеопольда* из-за его тогдашней связи с дамой по имени *Клео*; это – бесспорный результат сгущения, которое, затратив всего одну букву, как бы сохранило неприятный намек. Собственные имена вообще легко перерабатываются этим приемом остроумия: в Вене было два брата по фамилии *Жалингер*, один из них был биржевой маклер. Это позволило назвать одного брата *Биржжалингер*, тогда как для отличия другого в оборот вошло нелюбимое прозвище *Рожжалингер*<sup>7</sup>.

Мне рассказывали следующую остроуту с техникой сгущения: один молодой человек, ведший до последнего времени развеселую жизнь на чужбине, посещает после долгого отсутствия местного приятеля, который, заметив обручальное кольцо на пальце гостя, удивленно воскликнул: «Как, вы женаты?» – «Да, – услышал он в ответ. – *Венчально, но факт*». Превосходная остроута; в слово «*венчально*» вошло два компонента: слово «*венчание*», превратившееся в «*венчально*», объединилось с предложением: «*Печально, но факт*».

Воздействию остроуты в этом случае не наносит ущерба то, что составное слово, в сущности, не является непонятным, нежизнеспособным образованием вроде «фамилионерно», а полностью покрывается одним из двух сгущаемых элементов.

Ненароком я сам в одной беседе предоставил материал для остроуты, опять-таки совершенно аналогичной тому же «фамилионерно». Я рассказал одной даме о больших заслугах некоего исследователя, которого необоснованно считал непризнанным. «Но этот человек все же достоин монумента», – высказалась она. «Возможно, когда-нибудь он его и получит, – ответил я, – но в данный момент его успех очень мал». «*Монумент*» и «*момент*» – противоположности. Дама же объединила противоположности: «Значит, пожелаем ему *монументального* успеха».

Превосходной разработке этой же темы на английском языке (*Brill A. A. Freuds Theory of Wit // Journal of abnormal Psychology. 1911*) я обязан несколькими иноязычными примерами, демонстрирующими тот же механизм сгущения, что и наше «фамилионерно».

Английский писатель де Квинси, рассказывает Брилл, где-то заметил, что старые люди склонны впадать в «*анекдиотизм*». Слово образовано слиянием частично перекрывающихся друг друга слов: анекдот и идиотизм.

В одном небольшом анонимном рассказе Брилл обнаружил, что Рождество как-то называли «рождествинный праздник». Аналогичное слияние двух слов: «Рождество» и «вино».

Когда Флобер опубликовал свой знаменитый роман «Саламбо», действие которого разворачивается в древнем Карфагене, Сент-Бёв с издевкой назвал его за болезненную склонность к деталям «*Карфагенудь*» = «Карфаген» + «нудный».

Автором одной из самых замечательных остроут подобного рода был один из самых видных людей Австрии, благодаря значительной научной и общественной деятельности занимающий теперь высшую должность в государстве. Я дерзнул использовать приписываемые этой

---

<sup>7</sup> В немецком тексте сгущение касалось фамилии Salinger и слова Sensal (*нем.* маклер), во втором случае – фамилии и слова Scheusal (*нем.* урод). – *Прим. перев.*

персоне и несущие фактически один и тот же признак остроты как материал для данного исследования<sup>8</sup> прежде всего потому, что трудно рассчитывать на создание чего-то лучшего.

Однажды господин N обратил внимание на личность одного сочинителя, ставшего известным благодаря ряду по-настоящему скучных статей, которые он публиковал в одной ежедневной венской газете. Статьи без конца обсуждали мелкие эпизоды из отношений Наполеона I к Австрии. Автор был рыжеволос. Услышав его имя, господин N спросил: «*Это не тот красный нитик<sup>9</sup>, который проходит через историю Наполеонидов?*»

Для выявления техники этой остроты мы обязаны применить к ней тот метод редукции, который уничтожает остроту путем изменения формы выражения, но зато восстанавливает ее полный изначальный смысл, так как его наверняка можно расшифровать в хорошей остроте. Острота господина N о красном нитике возникла из двух компонентов: из отрицательного мнения о писателе и из реминисценции об известном сравнении, которым Гёте начинает выдержки «Из дневника Оттилии» в «Wahlverwandtschaften» («Родственные природы», нем.)<sup>10</sup>. Критика вправе с негодованием воскликнуть: стало быть, это – человек, который только и умеет вечно писать скучные очерки о Наполеоне в Австрии. Впрочем, эта фраза вовсе не остроумна. Не остроумно и изящное сравнение Гёте, и, уж конечно, оно не способно рассмешить нас. Лишь когда оба эти высказывания соединяются друг с другом и подвергаются своеобразному процессу сгущения и слияния, возникает острота, и притом первоклассная<sup>11</sup>.

Связь между оскорбительной оценкой скучного писателя-историка и изящным сравнением в «Wahlverwandtschaften» нужно устанавливать более сложным, чем во многих подобных случаях, способом, по причинам, которые я пока еще не в состоянии объяснить. Попытаюсь заменить предполагаемый реальный процесс следующим построением. Прежде всего факт постоянного возвращения к одной и той же теме, видимо, пробудил у господина N едва уловимое воспоминание об известном месте в «Wahlverwandtschaften», чаще всего верно цитируемом фразой: «*Это проходит красной нитью*». «Красная нить» из сравнения оказывает отныне деформирующее воздействие на формулировку первого предложения вследствие того случайного обстоятельства, что и подвергнутый хуле – *красный*, то есть рыжий (букв. – красноволосый). Теперь фраза могла бы гласить: *значит, именно этот красный человек пишет скучные очерки о Наполеоне*. И тут вступает в действие процесс, нацеленный на сгущение двух частей в одно целое. Под давлением этого процесса, нашедшего первую точку опоры в тождестве элемента «красный», «скучный» ассимилируется с «нитью» и превращается в «нудный», а после этого оба компонента имеют возможность слиться в буквальном тексте остроты, в котором цитата на этот раз имеет едва ли не большую долю, чем поначалу только и имевшаяся бранная оценка.

Значит, именно этот *красный* человек  
пишет нудный вздор о N,  
*красная нить*,  
которая проходит через все.

---

<sup>8</sup> Имею ли я на это право? По крайней мере, я узнал эти остроты, известные в этом городе (Вене) всем и бывшие у всех на устах, не из сплетен. Часть из них сообщает общественности Эд. Ханслик в «Neue Freie Presse» и в своей автобиографии. Прошу извинить за неизбежные при устной передаче и вызванные только этим искажения.

<sup>9</sup> Труднопереводимая игра слов: rote Fadian (красный нитик), rote Faden (красная нить). – Прим. перев.

<sup>10</sup> «Мы знаем об особом приеме в английском флоте. Все снасти королевской флотилии, от самого толстого каната до самой тонкой веревки, сплетены так, что через них проходит красная нить, которую нельзя извлечь, не расплетая канат, и поэтому даже малейшие его куски несут на себе знак принадлежности короне. Равно и через дневник Оттилии тянется нить симпатий и привязанностей, все объединяющая и характерная для целого».

<sup>11</sup> Мне надобно только указать, насколько слабо это регулярно повторяющееся наблюдение согласуется с утверждением, что острота – игровое суждение.

*Это не тот красный нитик, который проходит  
через историю Наполеонидов?*

Обоснование, как и исправление, этого анализа я представлю в одной из последующих глав, когда буду анализировать эту остроту с иной, не чисто формальной точки зрения. Но даже если в ней остается что-то сомнительное, нельзя усомниться в факте сгущения. С одной стороны, результатом сгущения опять-таки является значительное укорочение, с другой стороны, вместо образования броского составного слова здесь, скорее, происходит взаимопроникновение составных частей обоих компонентов. «Красный нитик» был бы жизнеспособен даже как просто бранное слово; в нашем случае это явно продукт сгущения.

Если же в этом месте читатель впервые вознегодует по поводу способа рассмотрения, угрожающего лишить его удовольствия от остроты, не будучи, однако, в состоянии объяснить источник этого удовольствия, то я попросил бы его прежде всего о терпении. Пока мы остановились лишь на технике остроумия, исследование которой сулит нам разгадку только в том случае, если мы проведем его на достаточно обширном материале.

Благодаря анализу последнего примера мы готовы к тому, что при встрече с процессом сгущения в других примерах замена подавленного может проходить не только путем образования составного слова, но и посредством другого преобразования формы выражения. В чем может состоять подобная замена, мы узнаем из других острот господина N.

«*Я ехал с ним tête-à-bête*»<sup>12</sup>. Очень просто редуцировать эту остроту. Очевидно, в данном случае она может означать только: *Я ехал tête-à-tête с X., а этот X. – тупая скотина.*

Ни одно из двух высказываний не остроумно. Даже сведенные в одно предложение: *Я ехал tête-à-tête с этой тупой скотиной X.,* что и подавно не остроумно. Острота возникает лишь тогда, когда «тупая скотина» опускается, а взамен этого одно *tête* превращает свое *t* в *b*, посредством этого незначительного видоизменения сначала опущенное слово «скотина» вновь всплывает на поверхность. Технику этой группы острот можно назвать *сгущением с небольшим видоизменением* и предположить, что острота будет тем удачнее, чем менее заметно изменение.

Похожа, хотя и сложнее, техника другой остроты. В беседе господин N сказал об одном человеке, кое в чем заслуживающем похвалы, а во многом – критики: *да, тщеславие – одна из его четырех ахиллесовых пят*<sup>13</sup>. Здесь небольшое видоизменение состоит в том, что вместо *одной ахиллесовой пяты*, которую, безусловно, нужно признать даже у героя, говорится о *четырех*. Но четыре пяты, то есть четыре ноги, есть только у животного. Итак, обе сконцентрированные в остроте мысли гласили: «*У., за исключением его тщеславия, – выдающийся человек, но я все же не терплю его, он скорее скотина, чем человек*»<sup>14</sup>.

Сходна, только много проще, другая острота, которую мне довелось услышать *in statu nascendi*<sup>15</sup> в кругу одной семьи. Из двух братьев-гимназистов один – отличный, другой – весьма посредственный ученик. Вот и у примерного мальчика в школе случилась неудача, о которой мать завела разговор, чтобы выразить опасение: не может ли это означать начало продолжительного ухудшения? Находившийся до сих пор в тени своего брата мальчик с готовностью ухватился за этот повод. «Да, – сказал он, – *Карл опустился на все четыре*».

Здесь видоизменение состоит в маленьком дополнении к уверенности, что и другой, по его мнению, опускается. Но это видоизменение представляет и заменяет страстную защиту

<sup>12</sup> Bête – животное, глупый (фр.). – Прим. перев.

<sup>13</sup> Говорят, эта же острота еще ранее сказана Г. Гейне об Альфреде де Мюссе.

<sup>14</sup> Одно из осложнений техники этого примера состоит в том, что видоизменение, посредством которого заменяется пропущенное поношение, следует считать намеком на него, так как оно приводит к нему только путем умозаключения. О других факторах, усложняющих в данном случае технику, смотри ниже.

<sup>15</sup> В состоянии зарождения (лат.). – Прим. перев.

собственных интересов: «Вообще матери не следует верить, что брат умнее меня из-за его лучших результатов в школе. Он всего лишь глупое животное, то есть гораздо глупее меня».

Прекрасный пример сгущения с небольшим видоизменением предлагает другая очень известная острота господина N, который заявил об одной общественно активной личности: *он имеет позади себя большое будущее*. Эта острота имеет в виду более молодого мужчину, по своему происхождению, воспитанию и личным качествам, казалось, призванного когда-нибудь руководить большой партией и, возглавив ее, войти в правительство. Но времена изменились, партия оказалась неспособной стать правящей, и тогда можно стало предсказать, что и человека, предназначенного в ее лидеры, ничего не ждет. Кратчайшая редуцированная редакция, способная заменить эту остроуту, гласила бы: *человек имел перед собой большое будущее, которого теперь, увы, не стало*. Вместо «имел» и придаточного предложения в главном предложении произошло незначительное изменение: «*впереди*» заменяется своей противоположностью «*позади*»<sup>16</sup>.

Почти таким же видоизменением воспользовался господин N в случае с одним дворянином, ставшим министром земледелия без всяких на то прав, кроме того, что сам занимался сельским хозяйством. Общественное мнение получило удобный случай обрести в нем самого бездарного из всех, кому доверялась эта должность. Когда же он ушел в отставку и вернулся к своим сельскохозяйственным занятиям, господин N сказал о нем: «*Он, как Цинциннат, вернулся на свое место перед плугом*».

Римлянин, которого тоже прямо от хлебопашества избрали на высокую должность, опять занял свое место позади плуга. Перед плугом шел – и тогда, и сейчас – вол.

Удачным сгущением с незначительным видоизменением является также высказывание Карла Крауса об одном так называемом бульварном журналисте: он ехал в одну из Балканских стран на *Восточном эксцессе*. Несомненно, в этом слове совмещаются два другие – «*Восточный экспресс*» и «*эксцесс*»<sup>17</sup>. Вследствие их связи элемент «эксцесс» используется только как видоизменение требуемого глаголом слова «Восточный экспресс». Эта острота, поскольку она имитирует опечатку, представляет для нас и дополнительный интерес.

Мы легко могли бы еще умножить количество примеров, но, полагаю, не нужно новых случаев, чтобы точно понять характер техники в этой второй группе: сгущение с видоизменением. Если теперь сравнить вторую группу с первой, техника которой состояла в сгущении с образованием составного слова, то скоро убедимся, что различия несущественны, а переход от одной к другой плавен. Образование составного слова, как и видоизменение, объемлются понятием «замещающее образование», и, если угодно, мы можем описать образование составного слова как видоизменение основного слова с помощью второго элемента.

\* \* \*

Однако здесь мы вправе сделать первую остановку и спросить себя, с каким известным из литературы фактором полностью или частично совпадает наш первый результат. Очевидно, с фактором краткости, который Жан-Поль называет душой остроумия (см. выше). Краткость же остроумна не сама по себе, в противном случае любой лаконизм был бы остроутой. Краткость остроуты должна быть особого рода. Мы припоминаем, что Липпис пытался подробно описать своеобразие краткости остроумия (см. выше). Здесь же наше исследование установило и доказало, что краткость остроуты – зачастую результат особого процесса, который в буквальном тексте остроуты оставил второй след: замещающее образование. Однако при применении метода редукции, который устраняет действие специфического процесса сгущения, мы также обнаружили, что острота зависит только от словесного выражения, создаваемого путем сгуще-

<sup>16</sup> На технику этой остроуты воздействует еще один фактор, который я приберегу для дальнейшего анализа. Он касается содержательного характера видоизменения (изображение через противоположность, через абсурд). Технике остроумия ничто не препятствует пользоваться одновременно несколькими приемами, которые мы в состоянии изучать только поэтапно.

<sup>17</sup> В тексте *Egpressung* – вымогательство, шантаж; *Expresszug* – экспресс. – *Прим. перев.*

ния. Естественно, теперь все наше внимание обратится к этому странному и до сих пор почти не оцененному процессу. Да и мы еще не вполне способны понять, как благодаря ему может возникнуть все ценное в остроумии: удовольствие, доставляемое остротой.

Были ли процессы, подобные описанным здесь в качестве техники остроумия, уже известны в какой-либо другой области душевной жизни? Во всяком случае, в единственной и, казалось бы, весьма отдаленной. В 1900 году я опубликовал книгу, которая, как гласит ее заголовок («Толкование сновидений»), предпринимает попытку объяснить загадочность сновидения и представить его как производное от нормальной психической деятельности. Так я нашел основание противопоставить *явное*, зачастую странное *содержание сновидения – скрытым*, но совершенно корректным *идеям сновидения*, его порождающим, и остановился на исследовании процессов, создающих из скрытых идей само сновидение, а также на психических силах, участвующих в этом преобразовании. Совокупность преобразующих процессов я назвал *деятельностью сновидения*, и часть этой деятельности – процесс сгущения, который обнаруживает очень значительное сходство с процессом остроумия, подобно последнему, ведет к укорочению и создает замещающие образования сходного характера. По воспоминаниям о своих снах каждому известны составные образы людей, а также объектов, появляющихся в сновидениях; более того, сновидение образует и составные слова, позднее разлагаемые с помощью психоанализа (напр., Автодидаскер = Автодидакт + Ласкер)<sup>18</sup>. В других, и даже более многочисленных, случаях сгущающее действие сна создает не составные образы, а картины, совершенно сходные с объектом или человеком, за исключением некоторых аксессуаров или изменений, возникающих из другого источника, то есть из видоизменений, в точности сходных с видоизменениями в остротах господина N. Можно не сомневаться, что и в том и в другом случае перед нами один и тот же психический процесс, который мы узнаем по идентичным результатам. Несомненно, далекоидущая аналогия техники остроумия с деятельностью сновидения повысит наш интерес к первой и пробудит надежду извлечь из сравнения остроты и сновидения кое-что новое для объяснения остроумия. Но мы воздержимся приступать к этой работе, понимая, что исследовали технику лишь на очень небольшом количестве острот и, стало быть, не можем знать, достоверна ли аналогия, которой мы хотим руководствоваться, хотя и осторожно. Итак, уклонимся от сравнения со сновидением и вернемся к технике остроумия, завязав в этом месте нашего исследования как бы узелок на память, к которому в дальнейшем мы, возможно, вновь вернемся.

\* \* \*

Первое, что мы намерены узнать, это – доказуемо ли наличие сгущения с образованием замены во всех остротах, что позволило бы считать его всеобщей особенностью техники остроумия?

Тут вспоминаю об одной остроте, в силу особых обстоятельств сохранившейся в моей памяти. Один из великих учителей моей молодости, которого мы считали неспособным оценить остроумие, поскольку никогда не слышали от него собственных острот, как-то пришел в институт смеющимся и охотнее, чем обычно, объяснил причину своего веселого настроения: «Я тут вычитал превосходную остроту. В один парижский салон был введен молодой человек, который, как говорили, был родственником великого Ж.-Ж. Руссо и носил ту же фамилию. Вдобавок он тоже был рыжим. Но он вел себя так нескладно, что хозяйка дома критически заметила господину, приведшему его: „Voux m’avez fait connaitre un jeune homme *roux et sot*, mais non pas un *Rousseau*“<sup>19</sup>. И он вновь засмеялся.

<sup>18</sup> Фрейд З. Толкование сновидений. М., 1913. С. 249.

<sup>19</sup> «Вы меня познакомили с молодым человеком, рыжим и глупым (*roux et sot*), но это не Руссо (*Rousseau*)». Сохранить игру слов можно, изменив цвет волос: «Русый, но не Руссо». – *Прим. перев.*

По классификации наших авторов, это – острота по созвучию, и притом низкого пошиба, обыгрывающая имя собственное, подобно остроте в капуцинской проповеди из «Лагеря Валленштейна», которая, как известно, подражает манере Абрахама а Санта Клара:

Lässt sich nennen den *Wallenstein*,  
ja freilich ist er uns *allen ein Stein*  
des Anstosses und Ärgernisses<sup>20</sup>.

Но какова техника этой остроты?

Тут-то и оказывается, что особенность, которую мы вроде бы надеялись представить как всеобщую, отсутствует уже в первом новом примере. Здесь нет пропуска и вряд ли есть укорочение. Дама высказывает в самой остроте почти все, что мы в состоянии обнаружить в ее мыслях: «Вы возбудили мое любопытство родственником Ж.-Ж. *Rousseau*, хотелось верить, его духовным родственником, а он оказался рыжим, глупым юнцом, *roux et sot*». Правда, тут я получаю возможность сделать дополнение, вставку, но такая попытка редукции не упраздняет остроту. Она сохраняется, поскольку прочно связана с созвучием *Rousseau = roux et sot*. Тем самым доказывается, что сгущение с образованием замены не участвует в построении этой остроты.

Но что же участвует? Новые попытки редукции могут засвидетельствовать, что острота остается устойчивой до тех пор, пока фамилия *Rousseau* не заменяется какой-то другой. Я подставляю вместо нее, например, фамилию *Racine*, и тут же критическое замечание дамы, как и ранее, сохраняясь в целостности, лишается малейшего оттенка остроумия. Теперь я знаю, где нужно искать технику этой остроты, однако все еще колеблюсь в определении этой находки; опробую следующее: техника остроты состоит в *двояком употреблении* одного и того же слова (фамилии), первый раз в целом, а затем – разделенным на слоги, как в шараде.

Могу привести несколько дополнительных примеров, идентичных с данной остротой по технике.

Рассказывают, что одна итальянка отплатила Наполеону I за бестактное замечание остротой, основанной на такой же технике двоякого употребления. На придворном балу тот сказал ей, указывая на ее земляков: «*Tutti gli Italiani danzano sì male*», а она метко возразила: «*Non tutti, ma buona parte*»<sup>21</sup> (Брилл, там же).

(По Т. Вишеру и К. Фишеру.) Когда однажды в Берлине была поставлена «Антигона», критика сочла, что в постановке отсутствуют характерные черты античности. Берлинское остроумие придало этой критике следующую форму: «*Антично? Анти-гонично*»<sup>22</sup>.

В медицинских кругах бытует аналогичная острота, основанная на разделении слова. Когда спрашивают своего юного пациента, занимался ли он когда-нибудь онанизмом, то, конечно, не услышат иного ответа, чем: *О, ни-ни*<sup>23</sup>.

Во всех трех примерах, достаточных, пожалуй, для данного вида острот, одна и та же техника остроумия. Слово в них используется дважды, один раз – целиком, второй раз – разделенное на слоги; при таком разделении его слоги приобретают совершенно иной смысл<sup>24</sup>.

<sup>20</sup> «И Валленштейном ведь зваться привык: я, дескать, камень – какой вам опоры? И именно – камень соблазна и ссоры!» (Шиллер Ф. Лагерь Валленштейна // Шиллер Ф. Соч. Т. II. М., 1913). Прим. перев. То, что эта острота все же заслуживает из-за другого фактора более высокой оценки, будет показано только в дальнейшем.

<sup>21</sup> «Все итальянцы танцуют-таки плохо». – «Не все, но добрая часть». Смысл каламбура в игре слов «*buona parte*» (добрая часть) и *Bona parte*. – Прим. перев.

<sup>22</sup> «*Antik? O nee = Antigone*». – «Антично? О нет». – Прим. перев.

<sup>23</sup> *Onanie = O, na, nie*. – Прим. перев.

<sup>24</sup> Достоинство этих острот основано на том, что одновременно используется еще одно техническое средство гораздо более высокого порядка (см. ниже). Впрочем, в этом месте я могу обратить внимание на отношение остроты к загадке. Философ Фр. Brentano придумал вид загадок, требующих отгадки нескольких слогов, которые, объединяясь в слово или слагаясь как-либо иначе, дают в итоге новый смысл, напр.:... liess mich das Platanenblatt ahnen. (Непереводимая игра слов: дозволю мне латать лист

Неоднократное использование одного и того же слова: один раз – в целом, а затем – по слогам, на которые его можно разложить, – это первый встретившийся нам случай техники, отличный от сгущения. Однако после недолгого размышления мы на основании множества ставших нам известными примеров должны догадаться, что новая техника вряд ли может ограничиться этим приемом. Очевидно, существует пока еще совершенно не рассмотренное число вариантов неоднократного использования в одном предложении одних и тех же слов или набора слов. Следует ли нам все эти варианты выдавать за технические приемы остроумия? По видимости, да; последующие примеры остроумия докажут это.

На первый раз можно взять одинаковый набор слов и только чуть-чуть изменить их порядок. Чем меньше изменение, тем раньше возникает впечатление, что различный смысл выражается одними и теми же словами, и тем лучше остроумие в техническом отношении.

Д. Шпитцер («Wiener Spaziergänge». Bd. 2. S. 42): «Супружеская пара Х живет на очень широкую ногу. По мнению одних – муж, видимо, *много заработал* и при этом *немного отложил*, по мнению других – жена, видимо, *немного „прилегла“* и при этом *много заработала*»<sup>25</sup>.

Прямо-таки дьявольски великолепная остроумия! И вместе с тем какими малыми средствами она создана! Много заработал – немного отложил, немного прилегла – много заработала; собственно, перед нами не что иное, как перестановка двух фраз, благодаря чему высказанное о муже отличается от намека о жене. Впрочем, и здесь это опять-таки не исчерпывает всю технику этой остроумия<sup>26</sup>.

Широкие перспективы открываются перед техникой остроумия, когда «неоднократное употребление одинакового материала» направлено на то, чтобы слово или слова, соль остроумия, можно было бы употребить один раз неизменным, в другой раз с небольшим видоизменением.

Например, еще одна остроумия господина N.

Он услышал от некоего господина, еврея по происхождению, злобные отзывы о качествах евреев. «Господин надворный советник, – сказал он. – Ваш *анте-семитизм*<sup>27</sup> мне известен, но ваш *антисемитизм* – новость для меня».

Здесь изменена одна-единственная буква, что едва заметно при небрежном произношении. Пример напоминает о других остроумиях с видоизменением господина N, но, в отличие от них, в примере отсутствует сгущение; в самой остроумии сказано все, что следовало сказать. «Я знаю, раньше вы сами были евреем; меня только удивляет, что именно вы поносите евреев».

Превосходным примером такой остроумия с видоизменением является и известное восклицание: Traduttore – Traditore! (Переводчик – предатель!) Сходство двух слов, доходящее почти до тождества, весьма впечатляюще свидетельствует о необходимости, которая заставляет переводчика своевольничать в отношении своего автора<sup>28</sup>.

платана. – Прим. перев.) Или: Wie du dem Inder hast verschrieben, in der Hasst verschrieben? (Что ты думаешь об индейце, думаешь ли ты о нем с ненавистью? – В переводе Я. М. Когана приводится русский аналог: Кузнец, таз куя, сказал, тоскуя: «Лучше таз ковать, чем тосковать». – Прим. перев.) Требуемые отгадки слоги заменяются в контексте предложения повторяющейся с той же частотой частицей dal. Один коллега философа в отместку прибег к остроумию; услышав о помолвке Brentano, человека в зрелом возрасте, он спросил: «Daldaldal daldaldal? (отгадка: – Brentano, brennt-a-no? – Brentano, не сгорит ли он?) В чем же заключается разница между этими загадками и предложенными остроумиями? В том, что в первых техника задана как условие и нужно отгадать их точный текст, тогда как в остроумиях сообщается точный текст, а техника скрыта.

<sup>25</sup> Русский перевод лишь частично передает суть приема – использование одинакового набора слов. Немецкий текст: «Nach der Ansicht der einen soll der Mann *viel verdient* und sich dabei *etwas zurückgelegt* haben, nach anderen wieder soll sich die Frau *etwas zurückgelegt* und dabei *viel verdient* haben». – Прим. перев.

<sup>26</sup> Не более чем в превосходной, приведенной Бриллом остроумии Оливера Венделла Хомса: «Put non your trust in money, but put your money in trust». (Не доверяйся деньгам, но доверяй деньги.) Здесь намечается противоречие, которое не исполняется. Вторая часть предложения упраздняет противоречие. Кроме того, это хороший пример непереводимости остроумия с такой техникой.

<sup>27</sup> Ante – прежде (лат.); antesemitismus – буквально – бывшее семитство. – Прим. перев.

<sup>28</sup> Брилл цитирует совершенно аналогичную остроумию с видоизменением: Amantes – amentes (Влюбленные – дураки).

Разнообразие возможных малозаметных видоизменений в таких остротах столь велико, что ни одна из них совершенно не похожа на другую.

Вот острота, которая, как говорят, имела место на экзамене по правовым наукам. Кандидат должен перевести одно место из *Corpus juris*: «Labeo<sup>29</sup> ait». «...Я проваливаюсь, – говорит он...» – «Вы проваливаетесь, говорю я», – возражает экзаменатор и заканчивает экзамен. Конечно, тот, кто принял имя великого юриста за слово, к тому же неправильно переведенное, не заслуживает лучшей участи. Но техника остроты заключается в употреблении почти одних и тех же слов и для свидетельства об отсутствии знаний у экзаменуемого, и для его наказания экзаменатором. Кроме того, острота является примером «находчивости», техника которой, как будет показано, немногим отличается от комментируемой здесь.

Слова – это пластический материал, с которым позволительно проделывать разные разности. Есть слова, которые при определенном употреблении теряют то первоначальное прямое значение, которым они пользуются в другом контексте. В одной остроте Лихтенберга избраны именно такие ситуации, при которых затасканные слова вновь способны обрести свое полное значение.

«Как идут дела?» – спросил слепой хромого. «Как видите», – ответил хромым слепому.

В немецком языке существуют также слова, которые в другом смысле – и, разумеется, не в одном – можно считать *полнозначными* или *лишенными значения*. Дело в том, что возможны два различных производных от одного корня: одно развивается в полнозначное слово, второе – в утратившие значение начальные или конечные слоги, тем не менее оба производных звучат совершенно одинаково. Созвучие полнозначного слова с утратившими значение слогами может быть и случайным. И в том и в другом случае техника остроумия способна извлекать пользу из такого соотношения словесного материала.

Шлейермахеру приписывают, например, остроуту, важную для нас как довольно чистый пример такого технического приема: *Ревность* – это *страсть, которая ревностно выискивает то, что причиняет страдание*<sup>30</sup>.

Бесспорно, это остроумно, хотя и недостаточно сильно для остроты. В этом случае отпадает множество факторов, способных вводить в заблуждение при анализе других острот до тех пор, пока мы не подвергли анализу каждый из них в отдельности. Мысль, выраженная в этой фразе, ничего не стоит; во всяком случае, она предлагает весьма неудовлетворительное определение ревности. Здесь нет и речи о «смысле в бессмыслице», о «потаенном смысле», об «удивлении и просветлении». Контраст представлений не обнаруживается при самых больших усилиях, и только с большой натяжкой обнаруживается контраст между словами и тем, что они означают. Нет и следа укорочения; напротив, текст производит впечатление многословия. И все же это – острота, и даже очень совершенная. Ее единственная бросающаяся в глаза характерная черта – это одновременно и черта, с уничтожением которой исчезает острота; дело в том, что здесь одни и те же слова используются неоднократно. В таком случае появляется выбор: причислять ли эту остроуту к той разновидности, в которой слова употребляются один раз целиком, в другой – частями (например, Rousseau, Antigone), либо к иной, которая построена на разнообразии полнозначных и лишенных значения составных частей слова. Кроме того, для техники этой остроты примечателен еще фактор. В ней установлена необычная взаимосвязь, применен вид *унификации*,

<sup>29</sup> Labeo – Лабейон, великий юрист. – Прим. ред.

<sup>30</sup> Eifersucht ist eine Leidenschaft, die mit Eifersucht, was Leiden schafft. В переводе остается только намек на прием: ревность – ревностно, страсть – страдание, тогда как в подлиннике суффиксы превращаются в полные слова. – Прим. перев.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.